

18+

ИРИНА АРСЕНТЬЕВА

**ДЕНЬ
СОЛНЦЕСТОЯНИЯ,
или Возвращение
Анаконды**

Ирина Арсентьева

**День солнцестояния, или
Возвращение Анаконды**

«Издательские решения»

Арсентьева И.

День солнцестояния, или Возвращение Анаконды /
И. Арсентьева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-641224-8

Эта книга — продолжение романа «Анаконда». Читатель вновь встретится со следователем Нестеровым и его другом Волковым, которые десять лет назад раскрыли дело душительницы. На развалинах старинной усадьбы неожиданно выясняется, кто на самом деле совершил убийство в день летнего солнцестояния. Жизнь оперативников состоит не только из версий и расследований, она наполнена событиями, тревогами, размышлениями, такими же, как у обычных людей.

ISBN 978-5-00-641224-8

© Арсентьева И.
© Издательские решения

Содержание

День солнцестояния, или Возвращение Анаконды	6
Конец ознакомительного фрагмента.	24

День солнцестояния, или Возвращение Анаконды

Ирина Арсентьева

Дизайнер обложки Ксения Алексеева

© Ирина Арсентьева, 2024

© Ксения Алексеева, дизайн обложки, 2024

ISBN 978-5-0064-1224-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

День солнцестояния, или Возвращение Анаконды

Первые тонкие лучи несмело пробивались сквозь туманную пелену, какая бывает только в короткие ночи летнего солнцестояния, а соседский петух решил перебудить всю округу, возвещая о наступлении нового дня. Он долго и заливисто кукарекал на все лады, коими наделила его природа.

Инга посмотрела на часы. «Только половина пятого... И угораздило же Сергеевну завести эту несносную птицу, которая не даёт нормальным людям выспаться в воскресенье, – думала она, уставившись в потолок. – И имечко ведь подходящее нашла. Петруша... Хотя, если разобраться, польза от него есть – в курятнике порядок: пятьдесят молодых резвых курочек и петушков растут на радость хозяйке. Опять же, свежими яйцами мы обеспечены на весь сезон. А к осени, даст бог, и молодой курятинки поедим. Вкусная домашняя лапша получается из петушков...»

Инга неслышно встала, накинула лёгкий атласный халатик с изящным широким кружевом по низу рукавов и подолу, который выписала к лету в интернет-магазине и ни разу не пожалела о покупке: в нём она выглядела гораздо стройнее, чем была на самом деле. К тому же цвет морской волны молодил и освежал её. Женщина осторожно прикрыла окно и задёрнула шторы. «Пусть Олег поспит ещё немного, – размышляла она, глядя на мужа. – Он в последнее время окончательно вымотался, вон какие морщинки на лбу – даже во сне думает о своих преступниках». Она тихонько вздохнула и закрыла за собой дверь.

Спустившись по витой лестнице, первым делом вышла на веранду. Утро разливалось по земле парным молоком, на траве выступила мелкая роса, проснулись пчёлы и приступили к своим каждодневным обязанностям.

– Мне тоже пора за работу, у жён офицеров выходных не бывает, – Инга сказала это кому-то невидимому, находящемуся в глубине сада, и пошла приводить себя в порядок.

Через час на кухне уже пахло свежесваренным кофе, подрумянивались на сковородке сырники. Олег их очень любил, и в выходные дни Инга всегда его баловала, не изменяя своей давней привычке вкусно и сытно кормить любимого мужчину. Возможно, её кулинарные способности сыграли решающую роль десять лет назад, когда Олег переехал к ней жить. Брак они с тех пор так и не зарегистрировали, но жили под одной крышей купленной в ипотеку двушки мирно и дружно, несмотря на то, что детей так и не родили. Вопрос о ребёнке их особо не беспокоил и поэтому вообще никогда не обсуждался: работа начальника убийного отдела Московского уголовного розыска была слишком беспокойной и требовала от Олега полной самоотдачи, а Инга, как настоящая жена оперативника, поддерживала мужа и служила вместе с ним, обеспечивая тылы.

Земельный участок в деревне Ваньково они купили два года назад, и это место стало для них любимым. С апреля по октябрь Инга съезжала с городской квартиры и обустривалась в небольшом, но уютном двухэтажном домике с верандой, гостиной, кухней и двумя небольшими спальнями наверху, который они сами и спроектировали. На свободных от плодовых деревьев и кустарников участках она сажала всевозможную зелень и стандартный набор овощей, поэтому в рационе питания всегда был свежий салат. Излишки скормливали Петруше и его куриному батальону, за что вознаграждались яйцами с почти оранжевого цвета желтками.

Олег приезжал на дачу только по выходным, в будние дни он работал допоздна и оставался ночевать в Москве.

Инга налила кофе в маленькую фарфоровую чашечку с сиреневым цветочным принтом и ажурной резьбой по нижней части, доставшуюся ей от бабушки, и, усевшись в плетёное китайское ротанговое кресло на веранде, устремила взгляд ввысь. Небо было без единого облачка: высокое и ярко-голубое, отчего солнце отливало на нём золотом с особенной зелен-

пой, какая бывает только у металла высшей пробы. День обещал быть жарким. Конец июня всегда был таким: душным и долгим, и даже короткие ночи не спасали от духоты. Кофе Инга не очень любила и варила не часто: только в субботнее и воскресное утро специально для Олега, потому что растворимый, который все работники МУРа пили во время работы, он не любил и почему-то называл «шмурдяком», хотя такое название носит дешёвое низкогокачественное плодово-ягодное вино.

Она тщательно молола зёрна в ручной кофемолке, добытой однажды на блошином рынке, добавляла немного корицы, мускатного ореха и чёрного душистого перца, ссыпала полученную смесь в турку, подаренную Олегу другом Денисом на сорокалетие, и трижды доводила напиток до поднятия пены. Иногда она переворачивала чашечку на блюде и долго разглядывала полученное осадком изображение, пытаясь что-то в нём усмотреть.

Вот и сегодня она уже было приготовилась к этому колдовскому действию, которое не терпит свидетелей, как раздался телефонный звонок.

– Алло! Доброе утро, Инга Геннадьевна! Это Рябцев! Пригласите, пожалуйста, товарища подполковника к телефону! – Голос был встревоженный, капитан говорил быстро, и Инга сразу поняла, что ночью что-то случилось. Не будет Константин Рябцев звонить просто так. Значит, дело серьёзное. Убийство, по всей видимости, и не простое. Хотя, если разобраться, когда убийства бывают простыми! На то они и убийства. Кого-то снова лишили жизни, а её мужа – заслуженного выходного, в том числе.

– Костя, подожди минутку. Он ещё спит. Сейчас позову. – Инга положила трубку и поднялась в спальню. В выходные они отключали сотовые, так было заведено в последнее время, и пользовались только домашним телефоном, на который подчинённым следовало звонить только в особых случаях.

– Олег, – она легонько тронула мужа за плечо. – Костя звонит.

– Какой Костя? Куда звонит? – Нестеров открыл глаза, но спросонья в первые две минуты ничего не мог понять.

– Рябцев звонит на домашний. Что-то случилось. – Инга подала Олегу домашние брюки и подвинула к кровати тапочки.

– Рябцев, докладывай, что там у вас! – Нестеров на ходу сделал несколько глотков кофе из кружки, которую держала Инга, и, пока слушал, сжевал два сырника, густо намазанных сверху яблочным повидлом вперемешку со сметаной. Так жена всегда готовила для него. И повидло варила по особому рецепту из дачных яблок с добавлением собственноручно выращенной моркови и тыквы.

– Товарищ подполковник, Волчков уже у вашего дома, – закончил Рябцев.

Через десять минут служебная машина газанула и повезла Олега Нестерова к месту очередного преступления. Дачный посёлок спал, и лишь какая-то рыжая дворняга маячила посередине дороги. Издали завидев автомобиль, она начала вилять похожим на метёлку хвостом да так усердно, что подняла облако густой пыли. Резкий сигнал заставил её быстро ретироваться, после чего, оглянувшись ещё раз, собачонка скрылась в ближайшей подворотне.

– Куда едем, товарищ подполковник? – Егор Волчков, высокий, темноволосый, жизнерадостный в любую погоду, тридцати пяти лет, работал личным водителем Нестерова пять лет и хорошо узнал его за это время. Шеф был сосредоточен. Значит, сегодня не удастся его разговаривать. Егор любил поболтать в дороге.

– Здесь недалеко. К Васнецово-озеру поезжай, – коротко ответил Олег.

Он смотрел в окно, но, казалось, не замечал ни архитектурных изысков построенных за последние полгода коттеджей, ни нежной зелени стройных берёз, ни цветущих пышными шапками разноцветных гортензий, ни своих любимых пионов, украшавших дома. Всё вокруг было достойно кисти художника, но сейчас прелесть летнего утра отошла на задний план. Мысли Олега были далеко. До места преступления доехали за минут двадцать пять.

На берегу маячило три фигуры. Нестеров легко узнал их по силуэтам. Своей опергруппой он был доволен. Молодые, но преданные профессии, с отличной оперативной хваткой и знаниями новых информационных технологий, которые Олегу оставались недоступны и из-за нехватки времени, и, как он сам считал, по причине недостаточности знаний в этой области. Надо было в своё время перенимать опыт у Белобородова, который был настоящим асом в вопросах программирования и разных компьютерных штук. Но Филимоша два года назад уехал в Норвегию, где его оторвала с руками и ногами крупная фирма «Fergo Norge» по пошиву верхней одежды. Там же он вступил в брак и поселился с женой-норвежкой в Тронхейме, живописном городе, лежащем в устье реки Нидельвы, на берегу бухты. Как-то раз позвонил и показывал по видеосвязи, в какой неописуемой красоте живёт.

Старший следователь Рябцев, невысокий, тридцатитрёхлетний парень, с типичной славынской внешностью, был симпатичным малым. Весной лицо его покрывали мелкие конопushки, отчего он выглядел почти подростком. Летом они терялись на загорелой коже, и Костя становился старше. Курносый нос не портил его, а придавал мягкости.

У капитана Рябцева был роман с экспертом-криминалистом младшим лейтенантом Лилей Вазиховой двадцати восьми лет, миловидной, небольшого роста, тоненькой, как ивовый прутик. Чемоданчик, который Лиля носила, всегда перевешивал, и кажется, сделай она одно неловкое движение, и он утянет её за собой. Костя всегда оказывался рядом, и чемодан перекочёвывал в его крепкую руку. Все, и Нестеров в том числе, только делали вид, что не видят их отношений, которые эта парочка тщательно пыталась скрыть от сослуживцев. Но разве возможно было не заметить блеска в глазах влюблённых, нечаянное касание рук, неожиданную дрожь в голосе? Все удивлялись, почему они до сих пор не женились, но никогда не спрашивали об этом.

Эксперт-психолог Григорий Левин, который к тому же был сыном известного айтишника и разбирался в компьютерных программах не хуже отца, был приглашён для консультации одного сложного дела полтора года назад да так и остался в отделе. Он был незаменимым работником. Долговязый и худой не по годам, очень близорукий и от этого осторожный, он был молчаливым и старался оставаться незаметным. Зато обладал превосходными аналитическими способностями и слуховой памятью. Его мозг хранил столько же информации, сколько и его компьютер.

Все трое повернулись в сторону Нестерова.

– Здравия желаю, товарищ подполковник! – за всех поприветствовал шефа Рябцев. Лиля слегка улыбнулась. Левин тряхнул длинной прямой чёлкой. – Разрешите доложить! – продолжил капитан.

– Костя, давай-ка по-простому и по существу. – Нестеров всматривался в труп молодого мужчины. Боковое зрение фиксировало детали. – Вы бы без надобности меня не потревожили! Что не так?

– Труп обнаружил местный рыбак. Он приехал на велосипеде на утреннюю поклёвку. Где-то в 4.20—4.30, учитывая расстояние от посёлка до озера, – начал Рябцев. – Он каждое утро рыбачит, а тут такое... Перепугался бедолага до смерти. Еле-еле номер вспомнил, чтобы к нам позвонить. Мы его пока домой отпустили. Что по трупу, то на первый взгляд – утопленник. Голова в воде лицом вниз, тело на берегу.

– Вижу, вижу. А что смущает? – Нестеров, прикрыв глаза от солнечного света ладонью, внимательно посмотрел на Костю.

– Да здесь глубина детская. Не больше пяти метров в середине водоёма. Парень-то молодой, как видите. Лет двадцать, может, чуть больше. Не мог же он в луже утонуть... Если только сам не утопился, конечно. А вообще-то, люди и в ванне тонут... – Рябцев задумался и наклонился над телом, чтобы запомнить его во всех подробностях.

– Внешних насильственных признаков нет, – добавила Лиля. – Одежда вся целая, но ни документов, ни сотового телефона, ни каких-либо других вещей при нём не обнаружено. Смерть, похоже, наступила не более трёх-четырёх часов назад, то есть после полуночи. Тело по всем признакам в воде не лежало, так что остывания за счёт температуры воды не было. Подробнее – после вскрытия.

– А это что за рисунок? – Нестеров рассматривал начерченный на песке круг с отходящими в разные стороны восемью изгибающимися лучами, чем-то отдалённо напоминающий фашистскую свастику.

– Это коловрат... – Гриша Левин приготовился выложить всё, что знал о символах славянского неоязычества.

– А что это такое? – подполковник недоумённо посмотрел на Левина. – Давай рассказывай! Опять эти оккультные страсти на нашу голову!

– Это солярный символ. Русское название свастики – коловрат или солнцеворот. Он символизирует вечное вращение в природе, победу света над тьмой, жизни – над смертью. Подробнее расскажу в отделе и покажу всё на экране. – Гриша сделал несколько снимков рисунка с разных ракурсов.

– Олег Иванович, – окликнула Нестерова Лиля, – здесь вот ещё что. На ветке прибрежного кустика найден женский шёлковый шарф. Но какой-то очень странный. Его как будто специально завязали изящным бантом. Может, кто-то из отдыхающих забыл.

– Может и забыл... – задумчиво проговорил Олег, – а может, и не забыл... Возьми его обязательно. Если вы всё сделали, то пусть уже забирают парня, заждались, – он указал на прибывшую труповозку. – Завтра ровно в девять все ко мне на совещание, а сейчас по домам отсыпаться. Вы мне нужны свежими и полными сил.

– Есть, товарищ подполковник! – снова за всех ответил Рябцев.

Солнце плавно скользило, поднимаясь к зениту, становилось невыносимо жарко.

– Охладиться не хочешь? – Костя похлопал Левина по потной спине, как только захлопнулась дверца служебного «Фольксвагена» Нестерова. – А то давай искупнёмся! – он залившись засмеялся.

– Да иди ты! А куда, сам знаешь! – Гриша отшатнулся от Рябцева, с едва промелькнувшей безразличностью глядя на то место, где недавно лежало тело. – Нашёл, где шутить! Поехали!

Троица уселась в серый «Форд» Рябцева, и тот помчал их обратно в столицу. До Москвы было часа полтора езды, и Лиля, пользуясь моментом, задремала на переднем сиденье. В широком автомобильном кресле она казалась особенно незащищённой и маленькой. Костя опустил козырёк с её стороны, чтобы солнце не светило в глаза. Левин, развалившись сзади и откинув голову, сделал вид, что тоже спит, но мозг его всю дорогу напряжённо работал, переваривая полученную информацию.

За окнами мелькали дачные дома, деревья сливались в единую зелёную полосу. Из динамиков вырвался голос Юры Шатунова: «Я сорву ромашки, ты сплети венок, пусть немного сказки в этот вечерок...» Рябцев уменьшил звук.

Для Анны Кандауровой жизнь за колючей проволокой с годами стала совершенно обыденной. Человек ко всему рано или поздно привыкает. Привыкали к барачной жизни и женщины, совершившие особо тяжкие преступления. А здесь отбывали наказание только такие. Одна зарезала за ужином сожителя-наркомана, вторая ударила по голове чугунной сковородой мужа-алкоголика, третья всадила портновские ножницы в живот сопернице, четвёртая пырнула ножом отца, когда тот в очередной раз избивал мать... И так до бесконечности. Многие девушки отбывали срок за наркотики и связанные с ними преступления – распространение, грабёж, мошенничество. Некоторых откровенно подставили.

Когда десять лет назад Анну перевезли из СИЗО в Соликамск вместе с ещё пятью молодыми женщинами двадцати-тридцати лет (она потом часто благодарила Бога за то, что не попала в колонию «Белый лебедь», где содержались маньяки и убийцы, осуждённые на пожизненное заключение), то после первой же ночи, проведённой в бараке, подумала, что не выдержит – сойдёт с ума от постоянного металлического скрежета замков или просто умрёт. Но по воле судьбы попала под опеку Галины Любченко по прозвищу «Завхозиха», которое приросло к той из-за прежней должности, занимаемой ею на прежнем месте работы. Вернее, звучала она так – «заместитель директора школы по хозяйственной части».

Шконка Галины была рядом, и это позволяло ей контролировать ситуацию и оберегать новоиспечённую молодую зэчку. И, надо сказать, было от чего. Объяснять, надеюсь, не надо. Вы и так всё сами понимаете!

Галю Любченко почему-то сразу назначили старшей по бараку (она на самом деле на тот момент была старше всех по возрасту, к тому же, пригодился её опыт работы с техперсоналом школы).

История Завхозихи могла бы занять достойное место в учебнике по судебной криминалистике среди других самых изощрённых преступлений женщин-убийц. Когда спустя неделю она рассказывала о себе Анне, казалось, что её эмоциям не будет конца. Галя была возбуждена как никогда, лицо покраснелось, зелёные глаза по-чертовски блестели, непокорные рыжие волосы, теперь коротко стриженные, растрепались. Она немного картавила, а когда быстро говорила, иногда заикалась.

Кто-то когда-то сказал, что женщины с рыжими волосами и зелёными глазами – настоящие ведьмы. У Анны глаза тоже были зелёного цвета, и, возможно, именно поэтому Завхозиха взяла её под своё крыло. Но Галины глаза не шли ни в какое сравнение с другими. Они были просто-таки бесовские. И огненные волосы только усиливали эффект.

Вначале, погрузившись в воспоминания, она рассказала о случайном курортном романе, который приключился с ней в санатории за несколько лет до того случая, который поделил её жизнь на до и после. Обычно у таких краткосрочных романов не бывает продолжения, но этот был исключением. Курортный ухажёр через полгода неожиданно появился в жизни Гали, хотя она этого не ждала, и позвал вместе с ним переехать в Питер и там начать новую жизнь. От Галиных троих детей он не отказывался. В знак серьёзности своих намерений подарил ей золотой перстенёк «Маркиза» с крупным рубином, шерстяной свитер с вывязанными финскими оленями на груди и что-то из косметики. Галя долго взвешивала все за и против и в конце концов всё же отказалась от предложения, сделав выбор в пользу семьи: трое детей и муж, какой-никакой, но всё-таки родной.

Родной муж часто выпивал, и работа у него была какая-то неопределённая, поэтому денег для оплаты обучения старших детей не хватало. Как Любченко пристрастилась к выпивке, не помнила. Возможно, пила, чтобы меньше досталось мужу. Так обычно и спиваются жёны алкоголиков. Втянулась, и вскоре это стало для неё необходимым. Вместе с мужем водкой снимала стресс, потом начала наливать и сыну.

Алкоголь быстро меняет женщин. Мужчины могут долго оставаться пьяницами, но при этом не опускаются до дна. Они как-то приводят себя в божеский вид, ходят на работу, что-то делают по дому. Женский же алкоголизм – настоящая катастрофа. Галя не стала исключением. Она пила вместе с мужем и сыном наравне, а потом и больше. Всё чаще стала уходить в запой. Вначале брала больничные листы, но с каждым разом ей всё сложнее становилось скрывать истинное своё состояние. Так она потеряла работу, которая держала её на плаву, как парус лодку. Сдерживающий фактор исчез, и теперь Любченко пили, не просыхая. Никто из троих не работал. Сын подсел на наркоту, стал воровать, выносил из дома вещи. Когда не находил денег на дозу, настойчиво требовал у матери. Она устраивала скандалы, но было поздно: колесо

уже крутилось без остановки. Дошло до того, что сын начал избивать её. А она пила всё больше и больше от безысходности и отчаяния.

Но однажды случилось то, что случилось. Сын, в очередной раз избив Галину, упал на кровать и уснул крепким пьяным сном. А она, дошедшая до края, со словами «Я тебя родила, я тебя и убью» схватила топор и хладнокровно несколько раз опустила его на спящее дитя. Потом вдвоём с мужем, который откуда-то вернулся под утро, вытащили окровавленное сыновье тело и стали закапывать его прямо в собственном огороде. Соседи увидели и позвонили по 02. Галя сразу во всём чистосердечно призналась и взяла вину на себя. Состояние аффекта скостило ей срок.

А муж ровно через сорок дней после убийства замёрз, уснув на автобусной заснеженной остановке. Об этом Любченко узнала, ещё находясь в следственном изоляторе. Так ушли из жизни один за другим оба её мужчины. Старшая дочь оформила опеку над младшей несовершеннолетней, и девочки стали ждать освобождения матери.

Галя часто возвращалась к этой теме, расспрашивая Анну, как бы она поступила на её месте. Была бы другой её жизнь, если бы она уехала в Питер, не произошло бы всё это, если бы она была решительней. Кандаурова, как могла, утешала «мамку» (так она часто называла Галю, особенно наедине) и говорила дежурные фразы, что от судьбы не уйдёшь, и всё предопределено заранее, но где-то в глубине души таила сомнения. Ведь если мужчина звал Галину с собой, значит, брал на себя ответственность, и надо было бы, наверное, воспользоваться случаем и изменить жизнь. Она бы так и сделала. Ей много раз приходилось перечёркивать прошлое и начинать всё сначала.

А однажды после очередной беседы с психологом (это было необходимо для оформления документов по УДО) Галя Любченко рассказала Анне, что на сеансе ей вдруг вспомнилось, и она выложила как на духу, как когда-то закопала живьём пять уже довольно подросших щенков после того, как их мать бросилась на соседа, защищая детёнышей. Не было ли убийство сына следствием этого жестокого поступка? Становится ли убийцей тот, кто однажды задушил птенца, раздавил лягушку или повесил на дереве щенка? Скорее всего, да!

Анна тогда подумала, что, наверное, не зря считают, что от женщин с рыжими волосами и зелёными глазами можно ждать чего угодно.

Срок Завхозихи должен был вскоре закончиться. Она отсидела два с половиной года, что составляло одну треть, и её освобождали за хорошее поведение и помощь начальнику колонии в организации работы в швейном цехе, дисциплину и отличные показатели. Этого времени хватило, чтобы Кандаурова полностью адаптировалась и заняла «достойную» нишу в отряде. Работа на кухне оказалась для Анны спасением. Там было мало людей и много работы, к тому же, она всегда очень хорошо готовила и была на хорошем счету.

Для всех зэчек она как была с первого дня, так и осталась Анакондой. Эта кличка приехала на зону вместе с ней и крепко приросла.

В первый год, аккурат к Рождеству, ей пришла посылка со сладостями от Дениса, а потом передачи и письма приходили только от Завхозихи. Галя, освободившись, устроилась работать в близлежащую к месту жительства колонию поваром и продолжала всячески поддерживать свою опекаемую. Даже на расстоянии, находясь на «свободе», она держала соликамскую зону под контролем. Её уважали, она оставалась в авторитете. Им даже несколько раз позволили пообщаться по видеосвязи. Завхозиха добывала для Анаконды подробные сведения о дочери Вике, присылала фотографии. Как ей удавалось это сделать, осталось тайной. Похоже, это была работа какого-то профессионала. Полезные связи в криминальном мире играли и продолжают играть такую же незаменимую роль, как и в мире обычных людей, если не большую.

Сын Анаконды Анатолий Кандауров только однажды приехал к матери, чтобы рассказать о том, что женился, и что она стала бабушкой. Свидание было недолгим, и Анна настоя-

тельно просила больше этого не делать. Младшая дочь Вика с момента ареста жила в семье отца и о матери вслух не вспоминала. Она, конечно, помнила её, но не задавала лишних вопросов и не просила о свидании. Единственную фотографию, где она ещё малышкой сидит на руках у Анны, Вика прятала в укромном уголке шкафа, уверенная в том, что оно недоступно для отца и мачехи.

Анаконда после освобождения Завхозихи замкнулась в себе и редко с кем разговаривала, если только по необходимости. По правде сказать, она особо никого не интересовала, от неё держались на расстоянии, стараясь вовсе не замечать. Всё чаще Анну замечали в библиотеке у полок с книгами, перелистывающую один за другим томики классиков. А потом кто-то подсмотрел, что классики – это только прикрытие, на самом же деле Анаконда читала Библию, что никак не вязалось с её прошлым. Анна многого из написанного не понимала, перечитывала по несколько раз две-три строчки, не больше, хмурилась, пытаясь самостоятельно разобраться в Писании.

Пока однажды на зону не доставили новую партию заключённых, среди которых была маленькая шупленькая старушка на вид лет семидесяти. На первый взгляд это был настоящий божий одуванчик: чистенькая, аккуратненькая, в белом платочке с вышитым цветочком в уголке. Поэтому, не сговариваясь, ей сразу дали прозвище «Бабуля». Никто не понимал, как такую могло занести за забор с колючей проволокой, за какие такие грехи. Её назначили ответственной за чистоту в бараке, и, нужно сказать, к своему делу она подходила творчески. Работала прилежно. Ухаживала за комнатными растениями зимой и выращивала цветы на клумбах летом. Составляла маленькие букеты и расставляла их на тумбочках между кроватями, отчего «хата» приобретала вполне домашний и, если можно применить это слово, даже уютный вид. Ещё она вышивала крестиком цветочки на платках зэчек, причём каждый следующий отличался от предыдущего. Так платки невозможно было перепутать. И лишь они, разнообразные по цвету и по-разному повязанные на голове, позволяли выделить кого-то из общего серо-синего строя, идущего на работу и с работы. В знак особого расположения Бабуля дарила женщинам вышитые ею носовые платочки, вырезанные из остатков подкладочной ткани, которые начальство разрешило ей забирать из пошивочного цеха в знак доверия и расположения.

Бабуля оказалась набожной: каждое утро перед общим подъёмом, примерно с пяти до половины шестого, она молилась, стоя на коленях и устремив взгляд непонятно куда. А по воскресеньям и в праздничные дни проводила дообеденное время в молельной комнате, которую обустроили в колонии благодаря стараниям родственников заключённых. Кто-то из благотворителей подарил две солидные иконы, три были написаны местным художником, две нарисовал кто-то из ЗК, а множество маленьких привезли с собой на свидания и передали в дар матери заключённых. На пол расстелили огромный ковёр, по всей видимости шерстяной, вышедший из моды. Но сюда он хорошо вписался, и можно было подолгу стоять на коленях, не испытывая боли. Для проповеди, исповеди, причастия и крещения один раз в три месяца приезжал батюшка. Однажды здесь даже проходило венчание. Это большая редкость для женской колонии; в мужской такое случается гораздо чаще.

Иногда Бабулю отправляли на кухню помогать чистить и резать овощи. Там она впервые заметила Кандаурову. А тут столкнулась с ней в молельной.

– Деточка, ты неправильно молишься, – сказала она Анне, когда та в нерешительности встала перед иконой, не зная, что делать. – Ты вот сюда подойди, прикоснись к образу и тихонько расскажи, что тревожит. Тебя услышат кому надо. А вот сюда свечку поставь. Я тоже поставлю за убиенного мною раба божьего Алексея. Как твоего звали, знаешь?

– Знаю... – прошептала Анаконда. Про себя же подумала, что одной свечкой ей не обойтись, но промолчала и лишь глубоко вздохнула.

– Ну вот и хорошо. А теперь перекрестись справа налево и приложись к иконке. Смотри на меня и повторяй. – Они разом перекрестились трижды, поклонились и вышли на воздух. – Пойдём поговорим, погода сегодня такая хорошая. – Бабуля взяла Анну под руку и пошла рядом. Рука у неё была крепкая, а шаг уверенный.

Они шли неторопливо и молчали, но как будто понимали друг друга без слов.

– Сегодня воскресенье, – проговорила Бабуля, глядя снизу вверх на Анаконду. – Возьми, это тебе. Подарок. – И она протянула носовой платок светло-кофейного цвета с вышитым цветком шиповника. – На память! – прибавила и заулыбалась. И от этой улыбки с её лица в ту же секунду улетучился десяток лет, и Бабуля превратилась в миловидную женщину, совершенно не старую, с глубоким и чистым взглядом, гордую и несломленную.

– Спасибо... – только и смогла ответить Анна, любясь ею. Она подумала, как хорошо было бы иметь такую мать. Про свою она вспоминала с горечью и болью. – Мне пора, скоро обед. Я сегодня на раздаче. Капустный салат получился очень вкусный. И хлеб такой воздушный!

Марина Владимировна Одинцова в свои шестьдесят пять могла дать фору любой из работающих в её цветочных салонах девушек. Она следила за собой, посещала фитнес-центр, чтобы всегда быть в тонусе. Одевалась, следуя моде, изысканно, но сдержанно. Выглядела молодо, ведь не зря говорят: «Маленькая собачка – до старости щенок». Детей у неё не было, с мужчинами как-то не получалось, а потом они незаметно и вовсе исчезли из жизни. Так что ничего не оставалось делать, как всю себя посвятить цветам.

Свои магазины Марина Владимировна называла салонами намеренно, указывая на истинное значение этого слова. В салонах всегда выставлялись для демонстрации и продажи произведения искусства. А цветы, по её мнению, просто обязаны были быть причислены к таковым.

Поначалу Одинцова работала простым флористом в Новосибирске, где родилась и выросла, а после открыла свой первый салон «Эдельвейс» и стала развивать цветочный бизнес, постепенно вытеснив мелких продавцов-цветочников. Так появилась торговая цветочная сеть «Марина». И хотя магазины носили разные названия, их всё равно называли её именем.

Марина родилась в семье учёных-генетиков, которые стояли у истоков науки и занимались выведением новых сортов пшеницы для возделывания в Западной Сибири. Так как родители подолгу жили на СХОСах, девочку отдали на воспитание бабушке. Усевшись вечером на большом диване, они сочиняли легенды о цветах. Не торопясь, чернильной ручкой записывали истории в тетрадь, а рядом простыми акварельными красками изображали сцены с участием цветов. Придумывали гербы городов, на которых красовались цветочные венчики.

Так в жизнь Одинцовой вошли цветы. О них она знала практически всё и могла говорить часами. В память о бабушке она и открыла «Эдельвейс», а название ему дала в честь первой легенды, которую услышала от неё. Хотя у эдельвейса совершенно невзрачный цветок, но название очень красивое, так казалось Марине.

Бабушка была набожной, молилась, ходила в церковь и брала с собой на богослужения внучку. Марина знала все молитвы и после смерти бабушки продолжала посещать храм, в который они обычно ходили, а когда занялась цветами, помогала украшать его к главным церковным праздникам. Она помнила, как бабушка часто рассказывала о Святом Иоанне Кронштадтском и его книге «Моя жизнь во Христе». Проповедник сказал, что «цветы – это остатки рая на земле».

Одно другому никогда не мешало, и Марина Владимировна совмещала бизнес и служение Богу, не обделяя вниманием ни то, ни другое.

Она выезжала за рубеж на цветочные выставки, налаживала связи с поставщиками, договаривалась с таможенниками, контролировала продажи. Сама прекрасно водила автомобиль

и сопровождала фуры, доставляющие товар к 8 марта, 1 сентября, дню учителя, когда на цветы был особенный спрос. В салонах она устраивала благотворительные мероприятия и проводила мастер-классы. В воскресной школе вела занятия кружка вышивания для деток, на которых читала легенды, написанные в детстве. Помогала прихожанам озеленять территорию.

Храм посещают множество людей, которые при входе настраиваются на молитвенное состояние и созерцательность. Каждый элемент прихрамовой территории имеет особенное значение: росписи, скульптуры, деревья и цветы. Так, к примеру, фиалка – символ смирения – самой первой и самой почитаемой православными людьми добродетели. Неприметная, хоть и красивая, она тянется к солнцу, затерявшись в траве. Кстати, трава на территории храма тоже не простая, а «шелковистая» и святая, ведь по ней, как говорил Преподобный Серафим Саровский, «...стопочки Царицы Небесной прошли».

Марина Одинцова вела насыщенную и активную для своего возраста жизнь, какой позавидовали бы подруги, если бы были. Но увы! Настоящих друзей у неё тоже не получилось, как и детей, и мужчин! «Так, видимо, было угодно Богу», – решила она и никогда не сокрушалась по этому поводу.

– В тот день всё было как обычно, – Бабуля держала Анну за руку, как будто в эту минуту очень нуждалась в чьей-нибудь поддержке. Они вновь встретились в молельной комнате только через две недели и очень обрадовались возможности поговорить наедине. – Я возвращалась домой с выставки, которую устроили в городском парке. Меня ведь многие знают, народу собралось как никогда. В этом году лето сменило весну быстро, и уже в мае стояла жара. Работали фонтаны, открылись летние кафе, аттракционы для детей. – Видно было, что воспоминания того дня живы: в глазах Марины Владимировны то вспыхивали огоньки, то меркли. – Я уже подъезжала к дому, как вдруг на повороте кто-то выскочил наперерез машине. Это был мальчик на самокате... – И она замолчала. А потом, вдруг опомнившись, тихо сказала: – Алёша... Так звали мальчика. Он умер у меня на руках. Потом суд, и вот я здесь...

Анаконда обняла Одинцову за плечи и нежно прижала к себе, и обе тихонько заплакали. Так они и стояли несколько минут неподвижно: молодая и красивая, задушившая нескольких женщин из мести, и прожившая красивую правильную жизнь, в которой один-единственный случай сыграл роковую роль. Они были необходимы друг другу: Анне нужна была та, кто заменила бы ей мать, которая когда-то в раннем детстве отрёклась от неё, Марине – так и не рождённая дочь. По воле судьбы или Всевышнего они встретились и обрели друг друга только здесь, в далёком Пермском крае, о котором до этого знали очень мало.

Это место, прославившееся как «республика зеков», начало историю с 1929 года, когда здесь были созданы первые трудовые лагеря особого режима ГУЛАГа. Особый режим – самая строгая форма лишения свободы в позднем СССР. Попадали сюда дважды «особо опасные» – «государственные преступники» и «рецидивисты». То есть те, кто повторно обвинялся по политическим статьям. Суть «особого режима» (помимо запрета на переписку и свидания) заключалась в том, что человека содержали в закрытой тюремной камере (прогулка разрешалась только раз в день в «мешке» по сорок пять минут минут), но при этом заключённый был обязан работать.

Как же верна пословица «От сумы и от тюрьмы не зарекайся...»

С появлением Бабули Анна обрела веру.

– Учёные считают, что Иисус тоже был заключён и какое-то время провёл в одиночной камере. На месте тюрьмы, где он провёл одну или несколько ночей перед распятием, теперь храм в Иерусалиме. И там, якобы, даже сохранились каменные стены, скамья и цепи, которыми он был прикован, – этими знаниями Одинцова с радостью делилась, и срок продолжительностью в полжизни не казался Анне бесконечным.

Теперь она свято верила, что когда-нибудь обретёт свободу, о которой забыла мечтать. Три года, таков был срок наказания Бабули, пролетели быстро и оказались для Кандауровой лучшим временем, проведённым на зоне.

Так незаметно в привычном постоянстве строгого режима, при котором меняются только действующие лица, но не декорации, прошло десять лет.

Подполковник Олег Иванович Нестеров, начальник убойного отдела, по-прежнему недолюбливал форму, отдавая предпочтение свободной одежде. Но нынешний его статус не позволял облачиться, как прежде, в джинсы и свитер. По понедельникам ровно в 12. 00. проводилось совещание в Главном управлении МВД по городу Москве, поэтому сегодня он выглядел особенно солидно и строго, как и подобает начальнику. К понедельнику Инга готовила мужу форму: чистила, гладила, если нужно; проверяла пуговицы и погоны. Это было её святой обязанностью в воскресный день.

Сегодня был понедельник, 22 июня.

Без пяти минут девять дверь в кабинет Нестерова открылась, и друг за другом, словно птичий выводок, торопливо вошли сотрудники, приветствуя шефа.

Каждый занял своё место за столом. Так было заведено и при прошлом, вышедшем в отставку начальнике Куприянове, когда Олег был простым следаком. По правую руку расположился старший следователь Константин Рябцев. Он-то как раз обожал носить форму: она придавала ему солидности, и, пользуясь моментом, когда не нужно было выезжать в поля, непременно надевал её. Чёрная кожаная папка, обязательный его атрибут, была открыта, и в ней помимо документов лежал большой блокнот, в который Рябцев записывал самое важное.

По левую руку от Нестерова, напротив Рябцева, на краешке стула примостилась криминалист Лиля Вазихова. Это была её привычка – сидеть на краешке, будто в любую минуту она готова была вспорхнуть и улететь. Сегодня девушка была в белой блузке с коротким рукавом и синей юбке по колено. Русые волосы с небольшой рыжиной зачёсаны и собраны в тощий хвостик. Внешностью Лиля не выделялась и легко терялась в толпе, не привлекая внимания. Но характером была покладистая и безотказная и этим нравилась Косте, который в отличие от неё любил покомандовать. Лиля достала очки, обычные, ничем не привлекательные, нацепила их на нос и приготовилась слушать, сложив руки одну на другую, как примерная школьница.

Григорий Левин – эксперт, психолог, айтишник в одном лице – был настоящей ходячей энциклопедией и находкой для отдела. За стол он никогда не садился. У него был свой стул у окна, и во время совещания он созерцал окрестности. Могло показаться, что он никого не слушает, но все знали, что это не так. Каждая деталь занимала своё место на полочках его памяти и, когда было нужно, всплывала. Он был в светлой футболке-поло, джинсах и удобных мягких мокасынах. Планшет, который он брал на совещания и выезды на места преступлений, был настолько навороченный, что заменял и компьютер, и фотоаппарат, и записную книжку, и экран. Гриша установил планшет на подоконнике, сам же устался на Лилины ноги, отчего та, уловив его взгляд, сразу упрянула их глубоко под стул, натянув юбку на колени.

– Ну что, братцы, надумали? Какие будут предположения? – Нестеров начал совещание без предисловий. – Мне сегодня докладывать... – и он поморщился от одного воспоминания о начальстве. Налил в стакан воды и выпил. Жара в это лето всех изрядно вымотала. – Левин, давай рассказывай про свой коловрат или как там его? Показывай, объясняй нам неучам!

Гриша вывел фотографии, сделанные вчера на берегу озера, и схему, которую обнаружил в одном из электронных учебников, на экран и начал:

– Я считаю, что этот знак на песке можно привязать к убийству, которое по всем признакам произошло в ночь с 21 на 22 июня, то есть в день летнего солнцестояния.

Славянский коловрат использовался жрецами для отправления культа богам. Старинное слово «коло» обозначает круг. Коловрат изображается в виде колеса с несколькими парными лучами, имеющими общее направление. Оберег скрывает в себе цикл четырёх времён года и четыре стихийных элемента: землю, огонь, воздух и воду.

А теперь обратите внимание на лучи. Посолонь или противосолонь? Эти два старинных славянских слова обозначают движение: по ходу солнца – посолонь, против хода солнца – противосолонь. Оберег с направлением лучей по ходу солнца был символически связан с миром светлых богов, давал их защиту и покровительство.

Оберег с направлением лучей против хода солнца был связан с потусторонним миром. Он способствовал раскрытию интуиции, магического дара, ясновидения и пророческих способностей.

Что мы видим на фото? Это противосолонь. Значит, здесь замешаны тёмные силы.

Количество лучей на символе несёт свою смысловую нагрузку.

Сколько лучей мы видим? Восемь! Так вот, восемь лучей символизирует силу солнечного огня.

– А причём здесь убийство? – Рябцев недоумённо посмотрел на «философа», так он в эту минуту про себя назвал Григория. – И вообще, убийство это или нет, мы ещё не знаем.

– Однозначно убийство! – Голос у Лили был низкий, что не соответствовало её подростковому росту. – Признаков утопления нет. Возможно, он наглотался воды, когда сделал предсмертный вздох. А то, что при нём не обнаружено ни документов, ни телефона, может говорить об убийстве с целью ограбления, например. Точные результаты биохимии будут готовы только к пяти часам.

– Если результатов ещё нет, тогда молча слушаем Левина. Гриша, продолжай! – Нестеров включил кондиционер и посмотрел на часы. – А жертвоприношения у них есть в день солнцестояния? И что они приносят в жертву? Что там про это сказано? – он вопросительно посмотрел на Григория. – Как же я не люблю эти поклонения богам, кто бы только знал!

– Солнцестояние, хоть летнее, хоть зимнее, а также весеннее и осеннее – это уже «высшая жертва» или «великое жертвоприношение Солнца», как они считают, – продолжал Левин, устремив взгляд сквозь Нестерова. – Сатанисты в эти дни приносят жертвы. Давайте вспомним 22 июня 1941 года! А сожжённую Хатынь 22 марта 1943 года! А пожар в «Зимней вишне» 25 марта 2018 года? А теракт в «Крокус Сити Холл» 22 марта 2024 года? Думаете, всё это совпадение? А сколько мы всего не знаем! Нам просто некогда искать в истории подобные «совпадения».

– Никогда не думал об этом! – воскликнул Рябцев. – Как тебе удаётся всё это объединять?!

– Ко всему сказанному выше хочу добавить, что у всех народов существуют поверья об очищающей силе воды в день летнего солнцестояния, – Левин будто не слышал Костиного возгласа, который одновременно был и вопросом. – Теперь подумайте, случайно ли труп найден у воды. Скорее всего, во всём этом есть взаимосвязь. Это всё, что я хотел сказать.

– Хорошо! – Нестеров хлопнул по столу ладонями и поднялся. – Лиля, жди результаты анализов, потом сразу ко мне. А пока проверь, не поступало ли заявлений о пропажи молодого человека. Левин, ты поройся в интернете и подними всё, что есть по этим сатанистам. Проверь все убийства на предмет совпадения с датами своего коловрата. Заодно поищи в соцсетях странички убитого. Рябцев, возьми фотографию трупа, покажи местным, особенно продавцам и бабкам, которые всё всегда знают, и допроси ещё раз рыбака. Не видел ли он кого по дороге. Всё! Выполняйте! Я на совещание!

– Есть! – по привычке за всех отрапортовал Рябцев, и опергруппа таким же образом, как и вошла, покинула кабинет.

Выпив по кружке горячего крепкого кофе и съев по пирожку с повидлом, испечённого Лилиной бабушкой, все молча разошлись. Начало недели обещало много работы. И это было плохим знаком: Нестеров вернётся с совещания дёрганный и потом задёргает всех остальных. Скорее всего, ему, как всегда, дадут на расследование сорок восемь часов, в которые ещё никому не удавалось уложиться. Если только раскрыть бытовуху. Но это явно была не она.

Вика Белякова, студентка второго курса МГИМО, проснулась поздно. Вчера они с однокурсницами от души потусили в «Заварке»: отметили успешное завершение летней сессии (это был действительно значимый повод, так как профессор Лукин никому ещё за всю свою преподавательскую жизнь не поставил с первого раза отметку «зачтено») и заодно обмыли Викин серебристый «Шевроле» – подарок отца на совершеннолетие. Этот акт небывалой щедрости не принёс ей радости, как, впрочем, и всё остальное, подаренное отцом. Она заранее знала, что с машиной теперь её ждут одни только заморочки: нужно будет сдавать на права, менять резину летнюю на зимнюю и наоборот, стоять в очередях на автомойках. Зачем ей всё это? Жила же спокойно, на такси ездила и горя не знала! Ну ладно, пусть пока постоит, а там видно будет.

Вика была младше однокурсников, потому что пошла в школу, ещё не достигнув шести лет. Восемнадцать ей исполнилось в начале мая.

В тот день в их компании появился Богдан. Он стоял в окружении ребят и что-то увлечённо рассказывал.

– Виктория, привет! – крикнул кто-то. – Хэппи бёздей! – Здесь все друг друга ради выпендрёжа называли полными именами или обращались по фамилии.

Богдан резко повернулся, чтобы посмотреть, кто пришёл. Вика несколько мгновений не отводила от него взгляда. Ей показалось, что прошло минут пять или гораздо больше, потому что за это короткое время она смогла внимательно рассмотреть его и запомнить.

Парень был не просто красив, а необыкновенно красив. Так она подумала тогда. Редко кого она наделяла такими комплиментами. Высокий, атлетически сложенный, он мог быть натурщиком у знаменитейших скульпторов Средневековья, и сейчас бы все любовались им наравне с Аполлоном в главных музеях мира. Тёмно-каштановые волосы спускались с макушки плавными волнистыми прядями, и ни один волосок не шевелился на ветру. Можно было подумать, что они покрыты каким-то средством с эффектом ламинирования. Шевелюра была густой и тяжёлой на вид, и Вика поймала себя на мысли, что с удовольствием запустила бы в неё руку. Богдан успел хорошо загореть, или, скорее всего, его кожа была от природы смуглой, что в купе с остальным, могло служить доказательством дальнего родства с молдаванами или болгарами. Густые, почти чёрные брови и ресницы напоминали длинноворсовый бархат. Да, да, скорее, им можно было дать определение плюшевые. Крупные, мягкие губы и синие-пресиние глаза...

– Я Богдан! – Он протянул руку для знакомства, и девушку затрясло, как будто небольшой силы электрический ток прошёлся по организму. – А ты Виктория? – Не дожидаясь ответа, он взял Викину руку, несколько секунд удерживал в своей, улавливая мелкую дрожь и втайне по мужски наслаждаясь ею. – У тебя день рождения? Я правильно понял?

– Да, мне сегодня восемнадцать. Пойдёшь с нами? Я приглашаю, – Вика сразу поняла, что эта встреча не может быть случайной в такой особенный день. – Ребята, приглашаю всех! – как-то совсем по-детски взвизгнула она, наконец заметив окруживших её двенадцать человек, с нетерпением ожидающих дальнейшего развития событий. Все были представителями золотой московской молодёжи. Но к мажорам, которые вели беспечный и разбитной образ жизни, их

причислить было нельзя. Все учились в престижных учебных заведениях, многие уже имели свой бизнес.

Шампанское лилось рекой, танцевали до утра. Подарки здесь преподносить было не принято: каждый считал себя самым дорогим подарком на этом празднике жизни.

Всё это Вика вспоминала, нежась и не желая вылезать из мягкой постели, хотя перевалило далеко за полдень. Голова после выпитых коктейлей не болела, но в теле ощущалась некоторая слабость. Поэтому захотелось полежать ещё немного. На два часа дня у неё была назначена консультация по курсовому проекту. А вечером можно будет встретиться с Богданом. Он знал, что девчонки в воскресенье будут оттопыриваться в клубе, поэтому не звонил в выходные. И она ему не звонила.

Выпитая таблетка аспирина сняла недомогание, и через час девушка стояла под прохладным душем. В свои восемнадцать лет она уже набрала женственности и особого соблазнительного шарма. Стриглась под короткое каре, потому что не хотела тратить драгоценные минуты утреннего сна на сушку и укладку волос. Они высыхали сами по себе, пока она пила кофе и наносила макияж. Глаза с изумрудным оттенком, который усиливался в солнечную погоду, она унаследовала от матери. В пасмурные дни глаза казались серо-зелёными. Чёрная подводка и тушь делали их огромными. Когда про Викины глаза говорили «в пол-лица», то ни капли не преувеличивали: они действительно были такими. И в хорошую погоду, и в пасмурную они всегда были особенными: то печально-задумчивыми, то маняще-интригующими. Когда она злилась, в глазах появлялся нездоровый блеск, словно тысячи чёртиков с факелами пытались выпрыгнуть из них. Всё в ней было хорошеньким: и складная фигурка, и молочного цвета чистая, без изъянов кожа, и гордая посадка головы, и покатые плечики, и тонкие пальцы, и маленькие ладошки, и узкие щиколотки. Но глаза чудесным образом перетягивали на себя внимание собеседника или любого встречного. Даже если бы всего этого не было, всё равно она пользовалась бы таким же бешеным успехом у мужского населения. Её боготворили, оберегали, тайно желали. Но никто не смел подступить ближе дозволенного, боясь получить резкий отпор или грубый отказ. Никому она не позволяла нарушать личные границы. Между собой её называли дерзкой и непокорной. Иногда в сердцах могли сказать: «Коза!», не более, и то так, чтобы она не слышала.

Мужчины такое отношение со стороны слабого пола очень болезненно воспринимают, поэтому, чтобы не чувствовать униженными и оскорблёнными, заводят отношения с неприятными женщинами. Зачем лезть на верхушку яблони, когда на нижних ветках яблок видимо-невидимо, и можно вдоволь наесться. А ещё больше упало на землю. Но до такого эти не опускались. Хотя кто их знает... И всё-таки, несмотря на это, некоторых почему-то тянет покорить вершину. И они карабкаются.

Все знали, что Викин отец – крупный в строительной отрасли бизнесмен. Что она окончила спецшколу с каким-то уклоном. Что она победила в телевизионной интеллектуальной игре «Умники и умницы» и поступила в МГИМО без экзаменов. Сама Вика никогда не показывала какого-либо превосходства над другими, но держала знакомых и друзей на расстоянии. Поэтому многие считали её зазнайкой и гордячкой. И тем не менее вопреки всему она была среди них королевой. Не снежной, конечно, но неприступно-отстранённой.

Никто не догадывался о том, какие внутренние психологические катаклизмы происходят в этой уверенной на первый взгляд и недоступной красотке. Она часто была подавленной и грустила, отгораживаясь от реальности, но окружающие воспринимали это за некую холодность и даже бесчувственность. О матери Вика вспоминала тайно, чтобы никто не знал.

Тот день, когда Анна исчезла из её жизни, она старалась забыть, но так и не смогла. Её маленькая жизнь в одночасье разбилась о невидимую скалу.

– Теперь ты будешь жить с нами, – сухо сказал отец. – Собирай вещи и поехали.

– А где мама? – Анна часто оставляла Вику с Игорем на несколько дней, но всегда предупреждала, когда вернётся. Но не в этот раз. Она исчезла внезапно, ничего не сказав. – Когда она приедет?

– Викуля, кажется, не скоро... – отец старался подобрать нужные слова, но не находил их. – Я потом тебе всё расскажу. Когда ты подрастёшь.

И Вика поняла, что произошло что-то ужасное. Об этом шептались соседи, а родители Ирины, новой жены Игоря, так и вовсе не стеснялись в выражениях. Особенно, если Вика им огрызалась или не слушалась – так ведут себя подростки, даже если в их жизни ничего не меняется. По законам природы с детьми периодически происходят метаморфозы. Но если они отягощены чем-то ещё, можно кричать «караул»! Поэтому девочка стала для новой семьи отца настоящим бедствием.

С Ириной у Вики вообще никаких отношений не сложилось. Долгожданный новорождённый сын занимал всё время новоиспечённых родителей, требуя повышенного внимания, поэтому Вику никто не старался замечать. Она жила в своей комнате на втором этаже огромного коттеджа, как моллюск, высовывающий лишь одну только ногу, да и то только для того, чтобы ненадолго переместиться на другое место и поесть. В основном только по утрам или вечерам на кухне она пересекалась с остальными домочадцами (скорее, даже не пересекалась, а проскальзывала мимо, так как площади всех помещений были настолько велики, что пересечься в них было практически невозможно). В остальное же время она просто существовала в одиночестве. О чём думала, о чём переживала, чего хотела эта девочка, лишившаяся одновременно матери и брата (правда, всего лишь единокровного по матери, но зато старшего и заботливого), никто не знал и не удосуживался спросить. Она, конечно, имела всё, о чём только мог мечтать любой из её сверстников, но тем не менее была глубоко несчастной. Ничто в мире её не радовало. Многочисленные подарки отца и Ирины не могли осчастливить ребёнка. Купить любовь, как и продать или откупиться за любовь, невозможно.

Так прошло десять лет. За это время Вика усвоила простую истину – сидящая мать всё равно что мёртвая. А если матери сидеть четверть века, то лучшее средство не вспоминать о ней – похоронить. Так она и сделала – «похоронила» Анну в потайном отсеке своего шкафа и редко навещала «могилу». В шкапулке, которую она забрала с собой десять лет назад из родного дома, хранилась одна-единственная фотография и несколько шёлковых шарфиков, которые очень любила мать и которые у Вики с ней ассоциировались. Иногда она доставала один из них, прижимала к лицу, пытаясь насладиться неуловимым запахом, и засыпала, перебирая в руках.

Девочка выросла, по мнению Ирины и её родителей, дерзкой, холодной и бесчувственной, как мать. К тому же, неблагодарной.

После того, как Викторiju Белякову одну из первых зачислили в МГИМО, она единственный раз позволила что-то потребовать у отца. Что же это было? Как думаете? Она решила, что пора отделиться от взрослых, и тут же получила желаемое – квартиру в центре. Это была небольшая студия, но очень уютная, с современным ремонтом и со всем необходимым для жизни. Игорь, кажется, радовался больше всех: ему за десять лет порядком надоели недовольные взгляды, поджатые губы и нелюдские реплики жены и дочери.

Так моллюск расширил границы существования, получив отдельное жильё. Вике не пришлось самостоятельно строить и обустраивать его, впрочем, как и всё остальное в своей недолгой несчастливой жизни. Но этот самостоятельный шаг дал возможность глотнуть свежего воздуха свободы, и впервые ей захотелось приоткрыть створки перламутровой ракушки, служившей надёжным убежищем, и впустить кого-то в свою жизнь.

И этим человеком, неожиданно нарушившим её привычно одинокий мир, был Богдан Наумов.

Егор Волчков подъехал к московскому дому Нестеровых, как обычно, в половине восьмого. Было свежо. Дворник уже навёл порядок на территории жилищного комплекса и гремел вёдрами, складывая инвентарь в тележку. Олег после вчерашнего совещания пребывал в нормальном расположении духа. Его доклад прослушали вполуха, так как все службы готовились к большой совместной операции по задержанию группы особо опасных преступников на окраине столицы, которая занималась угоном и перепродажей дорогих автомобилей.

– Здравия желаю, Олег Иванович! – поприветствовал Волчков.

– Доброе утро, Егор! Как дела? – Нестеров сел на заднее сиденье, открыл окно, и водитель понял, что шеф не против поговорить.

– Всё хорошо! Вчера разговаривал с родителями. Свинья недавно опоросилась, и теперь они возятся с приплодом. Отец пилит дрова и варит самогон на зиму. – И он всю дорогу рассказывал о житье-бытье обычного среднестатистического российского села.

Сам он был родом из Белгородской области, приехал в Москву на заработки, так и остался. Сейчас его волновал только один вопрос – как живут и как в дальнейшем будут жить родители. Их село граничило с Луганской областью, и там было по-прежнему беспокойно. У родителей в собственности полтора гектара земли, из которых гектар они сдают в аренду в обмен на сахар, подсолнечное масло и зерно, а полгектара обрабатывают сами. У них растёт всё, начиная с картофеля и заканчивая арбузами. Сажают много, этим кормят и себя, и животных. Куры, утки, индюки и пара свиней всегда есть в хозяйстве. На зиму животных рубят, замораживают или варят в автоклаве и отправляют с оказией сыну. Посылки всегда очень большие, в обязательном порядке присылают копчёного гуся, солёного сала, две-три пятилитровые пластиковые канистры пахучего масла, две двухлитровки самогона, несколько банок варенья, мёда, утиной и свиной тушёнки и смалец.

Волчков с каждой посылки выделял гостинец для Инги. Она принимала, так как знала не понаслышке, что сельским отказывать нельзя – обидятся. Потом всю зиму пили чай с белгородским мёдом и вареньем, хотя своего было завались. Но у всего деревенского особый неповторимый вкус.

– Ну а вообще, что рассказывают? – спросил Нестеров, когда они припарковались, и Егор понял, о чём он.

– Пока у них всё спокойно, но в погребе всегда стоит запас продуктов и воды на всякий случай, ну и тёплые вещи, конечно, – Егор сказал это и мысленно помолился, чтобы так и оставалось. Перевезти родителей в Москву было нереально: сам жил на съёмной квартире, да и они бы не бросили дом с хозяйством. «Здесь прожили, здесь и помрём», – каждый раз осаживали сына, когда он заговаривал о переезде.

Олег Нестеров получил звание подполковника вскоре после раскрытия дела Анаконды. Тогда его карьера стремительно взлетела. Куприянов ушёл в отставку и порекомендовал на своё место Олега. За это время он заматерел, раздался в теле. Короткий ёжик стриженных волос посеребрила седина, особенно это было заметно на висках и короткой бороде, которую он намеренно отрастил, чтобы не бриться каждое утро. Зато теперь раз в неделю ходил на приём к цирюльнику, который придавал растительности на лице идеальный вид. Несмотря на все внешние изменения, Олег был предан делу, как и прежде.

С Денисом они встречались редко. Друг по-прежнему жил уединённо в лесу, лишь раз в год навещаясь к Нестеровым на дачу в день рождения Олега. Привозил много дичи, грибов, лесных ягод и трав, настоек и наливок, которые сам делал. Варили наваристый шулом, выпивали, до ночи вели разговоры. Квартира, оставшаяся от деда и бабушки, так и стояла закрытой. Внаём её было жалко сдавать, а продавать рука не поднималась. Да мало ли что могло случиться

в жизни. Уже пятьдесят не за горами, а семьи всё нет. Не на белках же жениться! Ему и поговорить-то особо не с кем. Верный пёс Миша умер, на смену ему пришёл Блэк – умный и преданный, купленный щенком в питомнике по разведению немецких овчарок. Выбрал чёрного, как ночь, и кличку дал соответствующую. А глаза у пса, на удивление, были светло-янтарными. Живыми, выразительными. Так и жили вдвоём.

Олег ждал Дениса со дня на день. Друзья должны были пересечься в Москве. «Надо не забыть купить продуктов после работы», – подумал Нестеров и набрал номер Волчкова.

– Егор, напомни мне заехать в «Пятёрку», надо затариться. Друг обещал заехать, а у меня в холодильнике мышь повесилась от голода.

– Может, я сам сгоняю? Товарищ подполковник, вы мне список сбросьте, что купить, – предусмотрительно предложил Волчков, – я всё равно пока без дела.

– Хорошо, спасибо! – обрадовался Нестеров. Он давно забыл, что такое ходить по магазинам. Все заботы по обеспечению продовольствием их семьи, состоящей из двух человек и парочки ярких неразлучников, без ума влюблённых друг в друга, взяла на себя Инга, а в последнее время и она стала пользоваться доставкой.

Олег назначил совещание на после обеда. «За это время у ребят уже обязательно что-нибудь будет, – размышлял он. – Они у меня молодцы». Сам же включил компьютер и стал просматривать сводки за ночь.

Старший следователь Рябцев, криминалист Вазихова и эксперт Левин, наскоро пообедав чем Бог послал, а послал он, как всегда, пирожки от Лилиной эби, на этот раз с ливером, перекинулись парой слов и поспешили к шефу. Нестеров тоже обедал в кабинете, хотя на первом этаже была столовая. Но Инга постоянно твердила, что домашнюю пищу не заменит никакая другая, и приучила его есть то, что давала с собой. Он с удовольствием съел зажаренную куриную ножку, варёное яйцо и запил компотом. В кабинете остался запах специй, и Нестеров вынужден был широко распахнуть окно. Жаркий ветер ворвался в помещение, зашелестел документами на столе, покружил вокруг стола и вылетел обратно.

– Ну что там у нас? – спросил он, когда опергруппа заняла свои места. – Давайте по старшинству. Докладывай, Рябцев!

– Я съездил в посёлок. Рыбак ничего не помнит, он от страха, по-моему, забыл, как его зовут. Так что от него я ничего нового не услышал, кроме как «подъехал к берегу, увидел тело, вызвал полицию». А вот бабульки, которых я выцепил в магазине, рассказали много интересного. – Все внимательно слушали, а Лиля что-то записывала в блокнот. Костя продолжил, в подробностях передавая разговор с местными пенсионерками, и даже разыграл его по ролям.

– От этих проклятых наркоманов вообще житья нет! – кричала толстая, но очень подвижная тётка. – Куда я только не звонила. Никакого толка. Летом невозможно на озеро с внуками прийти, весь берег загадили.

– А почему вы решили, что это наркоманы? – спросил Рябцев, встав третьим в очередь. Удостоверение он намеренно не показывал, чтобы бабки выложили начистоту всё, о чём знали.

– А кто же ещё! – тётка окинула его подозрительным взглядом. – Приедут, накупят всякого, спиртного тоже... и пошли на берег. Там почти голые ходят. Срамота!

– Точно! – поддакнула ей худая бабулька с корзинкой, в которой лежал хлеб, пакет молока и пряники. – Настоящие наркоманы. Гитары у них, бренчат, песни поют до утра...

– Да нет, это обычная молодёжь, – вступилась рыжая продавщица. – На наркоманов они непохожи.

– Если они тебе выручку делают, это не значит, что не наркоманы? Не надо их тут выгораживать! – шикнула тётка, и продавщица замолчала. С этими бабками лучше не связываться, это она давно усвоила.

– А в субботу вы кого-нибудь видели на берегу? – Костя обратился ко всем, одарив милой улыбкой.

– А тебе зачем? – толстая тётка приняла устрашающую позу и двинулась на Рябцева, выставив вперёд огромных размеров грудь. – Ты кто такой?

Ничего не оставалось делать, как доставать из кармана удостоверение. Тётка впялилась в него долгим взглядом, потом рассмотрела Константина с ног до головы, одобрительно кивнула остальным, что означало «всё в порядке».

– В субботу тоже были. Человек восемь. Девки и парни. Приехали часов в шесть вечера. Сидели, выпивали, ржали, как кони, бегали друг за другом и в воду прыгали так, что озеро из берегов чуть не выплеснулось. Потом костёр разожгли, через огонь сигали по очереди.

– Так они, наверное, Ивана Купала отмечали, – предположила бабка с корзинкой. – Господи, что за молодёжь пошла! Ничего толком не знают о народных обычаях и туда же!

– А что было дальше, вы видели? – Костя прервал, не дав бабке перемыть кости подрастающему поколению.

– Видела. Я всё всегда вижу! – гордо ответила тётка. – Я больше любого участкового знаю! – Она снова выпятила вперёд грудь и заняла половину места за прилавком, отодвинув бабку и её корзинку. – Потом они уехали, но не все. На берегу осталась парочка. Сидели, обнимались, ну и всё такое прочее... Сами понимаете.

– Вы их рассмотрели? – Рябцев уже было обрадовался, что сведения сами идут к нему, но рано.

– Я в кустах засаду устроила, поэтому видела их только со спины, – с сожалением ответила тётка. – Значит так, пацан был в красных шортах и белой майке, а девка в сарафане цветастом. На голове у неё венок из цветов был... или это ободок такой, точно не могу сказать. Они голые на берегу сидели, на пацанячьей куртке. А вещи свои на песке разложили, чтобы не помялись. Вот я их и разглядела. Там же и кроссовки стояли, две пары. А когда они ушли, точно не знаю. Спать я пошла.

– Сколько было на часах, когда вы спать легли? – допытывался Рябцев.

– Полпервого, кажется, или около того. Мне минуты три до дома. Я ещё чайку попила перед сном... – тётка пыталась что-то рассказать, но Костя перебил её.

– А вот этого парня вы на берегу не видели? – И он выложил на прилавок фотографии обнаруженного рыбаком трупа. Тётка шархнула в сторону, бабка перекрестилась. Обе замолчали головами. – Его не было среди отдыхающих? Вы уверены? – уточнил Рябцев.

– Нет, не было. Он и одет по-другому. Брюки, туфли, рубашка. А эти все в шортах и майках были.

Рябцев сунул в руку продавщице свою визитку на случай, если что-то всплывёт, купил бутылку воды и вышел, оставив в магазине тему для новых разговоров.

– Не густо, – задумчиво промолвил Нестеров. – Лиля, что у тебя по токсикологии?

– Токсикология по крови ничего не дала, – Вазихова вытащила из папки результаты углублённой токсикологической экспертизы, – а вот в тканях обнаружены следы сильнодействующего яда растительного происхождения, который очень быстро разлагается. Кониин называется. Очень сильный яд, достаточно нескольких миллиграммов. Это не утопление, как я и говорила. Парня вначале напоили спиртным, в который подмешали яд, и положили так, чтобы голова была в воде. Делая судорожные вздохи, он мог нахлебаться. Озёрная вода есть и в лёгких, и в желудке. Так что некоторое время он был жив. Но в любом случае умер именно от отравления. Смерть наступила между двумя-четырьмя часами 22 июня. То есть, если бы рыбак приехал чуть раньше, то мог бы застать убийцу на месте преступления. Но именно в это время все люди крепко спят. Товарищ подполковник, – обратилась она к Нестерову, – как вы велели, я проверила обращения граждан по пропажам. Ничего по нашему случаю нет.

– Понятно, что ничего не понятно, – Олег потёр висок, – но всё-таки... Ну а теперь послушаем Левина. Думаю, он нам приготовил что-нибудь интересное, остросюжетное.

– Вначале о личности убитого, – было заметно, что Григорию не терпится выложить всё, что он нарыл ночью, блуждая по всемирной паутине интернета, но он терпеливо ждал своей очереди. – Я идентифицировал его по фото. Это некто Станислав Белозёров, двадцати двух лет, курьер по доставке заказов богатым клиентам. У них в компании униформа как у офисных работников, и получают они хорошо. Сами понимаете, что доставлять могут всё, что только пожелают клиенты. Поэтому на нём были брюки и белая рубашка. Видимо, всё произошло сразу после работы. По соцсетям я вычислил, что в Москве он живёт в съёмной квартире. Кроме него ещё двое, таких же курьеров. Сам родом из Кировской области, из села с красивым названием Лебяжье. На фотографиях в соцсети каких-либо родственников нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.